

Элементы воображения

Тишков Владислав

Владислав Тишков

Элементы воображения

«Автор»

2026

Тишков В. В.

Элементы воображения / В. В. Тишков — «Автор», 2026

«Элементы воображения» — книга-фантом. В ней человеческая натура мерещится: в зеркалах, в сценическом свете, в тех трещинах памяти, куда не заглядывают без потрясения и чувств. В этих слепках форм слова сплетаются в узоры, как и вся реальность, в которой можно оказаться и увидеть ее со стороны, словно весь мир — неустанно меняющаяся иллюзия, но главное — не безысходность...

© Тишков В. В., 2026

© Автор, 2026

Владислав Тишков

Элементы воображения

ЭЛЕМЕНТЫ ВООБРАЖЕНИЯ

В. Тишков

Оглавление

Поэзия

- Дрожь
- Редкий образ
- Mono no aware
- Я сжимал три бордовые розы
- L'ideal
- Ничего
- Фантом
- В свой День Рождения
- Вещи
- В новом обличье
- Кольцо
- Брошь
- Эффект мотылька
- Цветы иллюзии
- Колючая ветвь
- Soul de couture
- Прости

Пьесы

- Призрак в лоферах
- Плюшевая игрушка
- Душевные близнецы
- Искусство на руинах бытия
- Плач Орфея

Рассказы

- The Fury
- Одинокая
- Зеркало души
- Остатки роскоши
- Слишком сложно
- Васильковые глаза

Поэзия

Дрожь

Я хочу быть всегда хорошим,
Безупречным и даже нежным,
Чтобы дрожь пронеслась по коже,
Чтобы миг показался вечным...

Безучастным, но повсеместным,
Как на этом удачном кадре,
Даже если не будет места
Для меня в твоём злом театре.

Петь восторженно и ничтожно
Аж до шелеста темной крови,
Чтобы лучшее из возможного,
Чтобы лучшая из историй...

Быть зависимым и свободным
От тебя и тебе спасибо!
Принимать все за чистоту пробы,
А потом уходить красиво.

Оставляя следы и волю,
То впервые, то многократно...
Аж до шелеста темной крови,
Знать, что нету пути
Обратно...

Редкий образ

Не дрогнул ни один мускул,
будто глаза закрыты.
Волшебно сияет люстра
У сломанного корыта.
Сцены из слепков воли
И опустились руки,
Крылья из лжеисторий —
Это часть фэшн лука.
И с полутьмою кружев
Все прояснилось кстати.
То, что теперь снаружи,
Словно подкладка платья.

Но как-то необычно,
Кажется, что, играя,
Бледность до неприличья —
Это душа нагая.

Чудно и самобытно,

Волны из страз и перьев,
Кажется нераскрытой
И выше всякой меры.

Было бы всё вульгарно,
Если б не грациозность.
Было бы как-то странно...
Ведь это редкий
Образ.

Моно по aware

После ночи — всё светлое.
Смята постель в излучинах.
Скрытое, сокровенное...
Есть в этом что-то лучшее.

Бледная кожа с шелестом
Крови в тени — бордовая.
Мысли, изломы нереста,
Чувства невероломные.

Бант на бедре, наколотый,
Скрытое — откровения.
То же молчание — золото,
За труды наши — премия.

Скрытое, белоснежное,
Первых лучей объятье.
До перегибов стержневых,
До пустоты проклятия.

Сразу и всё? Неистово...
Знаешь, душа измучена.
Кажется солнце близкое,
А потом вдруг упущено.

Я сжимал три бордовые розы

И вонзались в кожу шипы.
Это всё было несерьезно,
Но мне было не до игры.

И лицо стало белым, как стены,
Будто кровь водопадом текла.
Это было с душой, а не с телом,
И уже не болела рука.

Я решителен был и дерзок,

Так волос отсекают прядь.
И меняют себя повсеместно,
Чтоб под маскою их не узнать.

И когда вишня с торта поспела,
Разлетелось бордо на ветру.
Как фламинго в коконе пепла,
Я затеял такую игру.

Не придумывал новых смыслов,
Ненавистных всяческих схем
Или прочего мазохизма,
Разрушая и строя плен.

На меня все смотрели нелепо,
Словно куклы пускали слезу.
Что не дрогнет душа и веко,
Думал, этого не снесу.

А потом кто-то взял мою руку,
Вынимая небрежно шипы.
Мне обидно было и глупо
Не беречь так своей души.

I'ideal

Выдумал идеал,
Сделанный из тебя,
Из твоего огня.
Крепче прижми меня.

Сделанный из тебя,
Образ твой в голове.
Всё это океан,
И я на самом дне.

Щупала душу так,
Думала, это всё —
Только лишь суета
Или нелепый сон.

Видишь ли? Я с тобой.
Всё иллюзорный бред.
Но за крошечной тьмой
Наполовину свет.

Стаи улыбок... блеск,
Слёз никогда не льют...
Ужин закончился,

Гаснет в ночи салют.

С ним исчезаю я,
Словно сюжет такой.
5 минут до утра,
Станут чужой искрой...

Ничего

Сказано лучше, сказано честно.
Ловко раскрыт тайник.
Не дари никому разбитое сердце,
Никому его не дари.

Для одних — это выход из кризиса,
Для других — как янтарный кулон.
Иллюзорность — синоним зависимых,
Что в итоге наносит урон.

Эта тонкость с рубцами и шрамами
В отражениях жестоких зеркал.
Она гримом трехслойным замарана,
Чтобы сути никто не искал.

Ну а если все карты раскрытые,
Понимаешь невольно, что
У тебя кроме сердца разбитого
Нету больше уже
Ничего.

Фантом

Когда приходит любовь вне драмы,
Она похожая на фантом.
Можешь меня сохранить на память
И позабыть, как случайный сон.

Прошрое беспринципно сброшено,
Словно туфельки, придя домой.
Нет ничего, есть остатки роскоши.
Хочешь, зови это нашей судьбой.

Если уйти — значит маски в прощаниях.
Сняты, одеты — тогда видно всё.
Есть что-то лучшее в расставаниях,
Когда любовь
Узнаешь
В лицо.

В свой День Рождения

возвращаюсь к воспоминаниям... можно оставить их в прошлом... отложить в ящик Пандоры, либо посеять почву, на которой вырастет новый плод и пристально наблюдать, как он созревает...

стать на новую ступень, вобрав в себя новый опыт, но главная суть: это шаги и топот: сдвинуть на задний план всё, что задело и измотало... смело столкнуться с пьедесталом... а лучше всего никогда к нему больше не возвращаться...

Есть и такие моменты, когда можно принять желание за настоящее... этакий симулякр, так естественно. Натюрморт оживает перед глазами, как лоснящийся лобстер в мерцании люстр в тысяче вспышек селфи... маскарадов бездны, словно коллекция... из которых так же легко извлечь счастье, как и потерять своё место под солнцем... спроецировать настоящее — это смотреть в камеру и позабыть про роли, полюбить, что делаешь, словно всё начинается вновь. Шелестит кровь, за маской скрыто искомое, пока мотыль не стал куколкой, прорвав тёмный кокон... пройдя через многое...

Усталость? Осталось лишь загадать желания и смотреть, как лопаются пузырьки шампанского...

Выбрать лучшее из лучшего априори... близкое то, что кажется уже знакомым до боли... но даже и в этом может быть сплошная иллюзия, пробивающаяся ростками сквозь жёсткую почву и слепки воли. НО

Фокус принят за первооснову, где-то спрятанную за ширмами. Драгоценную, как жемчужина. Есть божественное и наивное. Остальное — не так уж нужное. Остальное отретушировать...

Вещи

Если бы можно было чувства продать, как вещи на грандиозном аукционе, выставить их словно платья с эксклюзивной коллекции на обозрение... неизвестно было бы, сколько оно стоит, но чем больше, тем лучше. Даже если оно уже явно изношено и от старости похоже на тряпку, кто-то выкупил бы его, сжимая судорожно у груди, а тот, кто носил их, счёл бы это камнем из глубины души, сброшенным на чужие плечи... А в душе чего только не было... всё как на картине, в которой есть что-то ангельски милое и демонично мрачное. Одновременно сразу бы не разгадать... возникающие эмоции тем паче. Много скрытых деталей и теней на фоне. Кто-то приобрел бы каждую за баснословную сумму, вскрикнув: «Вот это и искусство!» А кто-то просто молча бы посочувствовал...

А представь, что выставили шампанское, пьянящее от одного только взгляда, и торт вынесли на подносе с белым трюфелем, с огромными розами, со сливами взбитыми и кучей свеч, от которых прикуривали ещё в прошлом веке и обжигали ресницы. И только одна полыхала бы огнём незадута. Все спохватились бы дуть изо всех сил, шаркая стульями... Ведь это романтика, это мистика. А тот, кто задул остальные, подумал бы со стороны: «Это убийственно».

В новом обличье

Если всё очень сложно, то быть безразличным,
Разворошить сердце и потерять спички.
Быть прагматичным и верить при этом в Жар-птицу...
Собраться силами и на землю спуститься...

Импровизировать, выпустить демонов всех наружу,
Быть очарованным, диким и во всеоружии.
Менять мнения, как перчатки, и говорить о морали,
Ненавидеть и обожать, когда любовь правит балом.

Думаю — это отнюдь не ирония или, скажем, горошина.
Это идти вперёд и культивировать прошлое...
Сквозь конфетти улавливать импульсы, ноты счастья...
За всё благодарить и искренне обольщаться...

Ставить приоритеты, погружаясь в миры фантастичные,
И принять это всё
Как необходимое и
Логичное.

Кольцо

И стала другою, сбросила тёмную шаль,
В душу взглянула, словно в хрустальный шар.
Видела кто-то загадывает её судьбу.
Просто так, будто цепляет в петлицу розу блю.
Только мечтать. Вот заколдованный круг.
У нее в глазах свет, луна выжженная на лбу...

Она в платье свадебном, радостна и весела...
Идёт, словно по подиуму. Сжато кольцо в руках.
И в слезах повторяет: «Хочется снова жить».
И чуть не падает на ходу от истощения своей души...

И вокруг неё уже слишком много разбросано алых роз.
Это уже нечто большее, чем сон или гипноз.
Состояние безупречности и гармонии.
Радость на все времена.

Выброси это кольцо и забудь, что сказала «да».
На, приглянись, как на витринах, в озёрах своей мечты,
Выкорчуй из подсознания чувство своей вины.
А она элегантно-холодная, бледное её лицо.
Меряет уже не по размеру своё кольцо
И бросает его с улыбкой, с левой руки...
Как единое целое... среди других.

Брошь

Бывает, чувства не разберёшь.
Они, как россыпь бриллиантов, брошь
На плиссированных платьях волн.
В прикосновениях случайных дрожь,
Что помещается на ладонь.
То нерушимая будто спит,
Ей восхищаются, ею живут,
Не зная, что у неё внутри,
Потом цепляют её на грудь
И держат мир её взаперти.

Растает облака тёмный грим,
Вскружится всё, словно диско-шар.
Она захочет опять игры
И танцевать, развевая шаль.

А что внутри? За волной волна.
И вдруг внезапно наступит штиль.
Опять прикинется, что мертва,
Когда её продают другим.

Эффект мотылька

Может, это и лучшее, что со мной было.
Это случается только однажды.
Я встретил её в неизвестных широтах, божеством на ступеньках,
С глазами из жажды и тёплого света, в лучах заката.
Необычное чувство, ощущение страха перед первым к ней шагом.

До неё дотянуться рукой, до неё всего лишь чуть-чуть,
Но как будто шептали мне тени о чём-то другом,
И душа погружалась в какую-то муть и тоску.

Голоса изнутри, как и мысли, бессмертны, но не только они.
«Сердце бывает тоже бессмертным, как расколотый надвое шар в хрустале», — говорила
она, но её не достичь мне казалось...

И печаль в ней была, как заживающий шрам,
Словно в актрисе шарм, снимающей тёмную шаль...

Тонкость хрупких просветов в чешуйках крыла
Никогда не посыплется бледной пылью,
Когда сознание шатается на подмостках
И уносит куда-нибудь в детство, в сон.

Она отчётливо знает, когда до неё один шаг,
Но невозможно превзойти себя
И переступить порог,

Когда застывает более чем нагая душа,
Показывая всю сущность, которую создал Бог.

Цветы иллюзии

Чем реже снятся мне сны, тем они ценнее. Впечатления от них, пусть даже нехоти и самыми худшими цветами, пусть на лепестках блекнут румяны надежды и вызовут отвращение оттого, что нет от них больше восторга и восхищения. А их бутоны засохнут и будут сыпаться по кусочкам, превращаясь в остатки роскоши, за которую раньше бегали на цыпочках, на носочках, лишь бы крикнуть: «Она моя, и ничего другого для счастья не надо». Когда суть платоническая превышает любую другую в перспективе, аж до мурашек, и потом исчезает с тучкой парфюма с бледных ключиц, где кулон и цепочка сочетаются мило, как утро после полуночной бури. И то капли росы мимолётно превращаются в стразы иллюзий, манящих соблазнам...

Видишь их как в Зазеркалье, хотя их нигде и нет. И лепестки становятся то слаще, то горчат ужасно. Кажется, в этом хаосе ничего уже не ясно. И бутон лопаётся... Всё, что так дорого было, превращается в нечто обычное по инерции, но уже без разочарования и отвращения.

Цветы иллюзии, вырванные с мясом прямо из сердца, оставляют рубцы...

Как в этой песне:

Цветы иллюзии — такие чудеса.
Лишь можно разглядеть издалека.
Черты красивые, присущая черта
Скрывает драму утреннего сна.

В рельефах вазы, на балконах и в садах,
В спектаклях оперы, в осколках суеты —
Неиссякаемый источник теплоты.
В руках цветы эти — узоры хрусталия.

И разве можно умирать им без конца
Под звуки вальса, при заёмщиках души,
Чтобы опять увидеть, что такое жить
И брошенными быть в чужих сердцах?

И оставаться лёгким следом на руках.
Уж если не на вечность, то на миг.
Цветы иллюзий — это не беда,
Но их не стоит никому дарить...

Колючая ветвь

Не в угоду себе из терний разлук
Я сплетаю колючую ветвь.
Хоть и скрыта она, как корона в сундук,
Всё равно — оголённый нерв.

Всё равно уведёт теперь в никуда
Её боль и любовь, как мост.
Панацеей моей остаётся игра.
Одинок, я спокоен и прост...

Я не думал тогда, что творится в душе
Тех, кто делает твёрдый шаг.
И всё движется так, с суетой в голове,
Словно крутится диско-шар.

Шорох платья за дверью затихнет вмиг,
И такси подъезжает с двора.
На, корону такую на память возьми —
В ней ты ближе мне, чем была...

Soul de Couture

Береги меня так, как хранят огонёк в непогоду, не потому, что я хрупок, нет слабости в трещине мира, в кою вошла молния, свет свой оставив навек, и ошибкою было названо то, что дышать научило горлом, стиснутым страхом, и ныне я ведаю твёрдо: ошибка — лишь правда, явившаяся слишком рано, и если настанет нелёгкий час, дай мне крылья, но не перистые, а те, что плавают в горниле чувств, и те, что рождаются в бездне меж «я не могу» и «я всё же иду» и заплати за всё, но не пеплом, не звоном пустоты, а каплей внимания, горькою нотой той, что звучит, когда постигаешь внезапно: тебя не предали вовсе, но ты переросла ту любовь, как дитя переросло одеянье, и ты умеешь ценить дары, и заботу, и лесть, и слова «ты прекрасна», но более прочего ценишь моё молчание, коим я плачу, когда не могу уже плакать, и взгляд твой, расширенный тьмою, когда я застываю, Знаешь то, что нельзя запечатлеть на стекле или плёнке, можно вдохнуть, как озоновый дух после гроз тишины. Вот она, истина, облачённая в плотную паузу, ты рассыпалась в прах и из праха восстала иною, и ныне я в ответе перед тобою, преданный чувствам, перед каждым «я боюсь», что я заглушал не шампанским, но сладким вином, заливая гортань, чтоб не слышать рыданий, перед каждым «я один», что я прятал под маской, как лик под покровом, я понял, что любить надлежит искусно, но искусство не в жесте руки, а в том, чтоб не отвратить свой лик, когда любовь перестанет быть сладкой, и прощён я сердцем, ибо сердце есть храм, и в тот храм вход лишь по пропускам, что выжжены на коже следами, о, сколь терпко искусство прощения, сколь тяжко бремя ответа, когда каждый твой страх, как свиток, развёрнут перед душою.

Когда же внутренний мир, подобный подиуму, треснул, и каблук мой застрял в расселине, ах, толпа замерла, и восторг её наполнился ужасом: «Ныне падёт она!» — но ты не падаешь, нет, — ты снимаешь туфли, и ступаешь босою, и тернии режут подошву, и заросли цепляют за лодыжки, и кровь выступает, но кровь та не боль, а лишь след на пути... я не иду к выходу, нет, я иду к источнику, к тишине, что не в зале, но в недрах груди, где зеркал уже нету, где образы тают, где прошлое, бренд, и история, травма, успех — всё это становится пеплом, и остаётся лишь Дышащий, дрожащий, живой... ты человек, наконец, без прикрас, и имя твоё — не имя, но выдох, и плоть твоя является эхом ко мне.

И так сквозь тернии к тишине, ибо лечит молчанье, в котором ты слышишь, как бьётся твой пульс без цензуры, без масок, без «как надлежит», и там, где впервые дыханье становится

полным, там, где любовь не по меркам кроится, но рождается из хаоса, самобытно, как та Афродита, что вышла из моря и пены, и там ты играешь роль, но вдруг замечаешь, что роль эта стала тобою самою, не идеальной, нет, но прекрасною в самой неправильности своей ... искренность, выставленная на всеобщий позор, есть разрыв тех швов, за которыми ты хоронила себя, и сквозь всё ты идёшь к себе, но не к той, кем хотела бы стать, а к той, кем была до начала всех «нельзя» и «стыдно», до того, как тебя обрядили в одежды чужих ожиданий, и финал наступает без поклона, ведь поклон был бы ложью, и я не благодарю, благодарность есть цепь, и я не прощаюсь, ибо прощанье есть малая смерть, — я остаюсь, погружённый в тишину, что объемлет все звуки, вместе с собою, с печалью, с любовью, что стала крылами, и крылья те выросли прямо из шрамов, как лавр из земли, и голос мой больше не шепчет, — о нет, он поёт, даже если никто не внимает, и тем более, если не слышит пение ... Оно не для уха, но для самой той бездны, что ждёт в тишине, и я знаю, что кто-то там ждёт непременно, как ждёт горизонт корабля и ждёт рана свой нож. В этом молчании, полном грядущего света, я остаюсь навсегда, ибо вечность не там, где часы, но там, где ты слышишь, как бьётся твой собственный пепел о ребра.

Прости

Прости меня, прости
За все мои грехи,
За то, что есть любовь
Как сказка о любви,
За лёгкий холодок
В далёких городах.
Теперь я одинок,
И ты уже не та.

Прости меня, прости
За тёмный карнавал,
С той болью позади,
К которой привыкал,
За сердце как бокал,
Что вдребезги разбит,
За то, что не сбылось
И расплелось, как нить.

Прости за чёрствый тон,
За интонаций всплеск.
Я получил тепло,
А сохранил лишь блеск...
Но всё-таки прости,
За главное прости —
За то, что есть любовь
Как сказка о любви...

Пьесы

Призрак в лоферах

Действующие лица:

Лавр — студент.

Виктор — брат Лавра.

Зарина — соседка Виктора.

Лидия.

Анастасия — сестра Лидии.

Клавдий.

Он — муж Лидии.

Актриса.

Сцена 1

Действие происходит в квартире Виктора. Чаепитие. Горит тусклый свет лампы и переходит в лёгкую дымку. На столе торт и чашки с чаем. В окне панорама города с роем вечерних огней. Уют и гармония вечера...

Зарина: Снег, один снег за окном, всё тает и тает.

Виктор (выискивает страницу в книге): Снег белесый, белый...

Зарина: Снег наводит на унылость... Вот у меня такое настроение. (откусывает кусок торта)

Виктор: У всех бывает такое.

Клавдий: Подайте, пожалуйста, сахар. (Клавдий — Виктору): А Вы недавно переехали в этот город?

Виктор: Мы, насколько я знаю, все здесь от недавнего времени.

Зарина: Пожалуйста. (исполняет просьбу Клавдия)

Клавдий: Благодарю Вас.

(Клавдий — Зарине): Возьмите ещё пирожное.

Зарина: Нет, не хочу...

Виктор: Ну возьмите, с Вашей фигурой можно. (опрокидывается вальяжно на спинку стула)

Зарина (смеётся): Хорошо, чуть-чуть.

Клавдий: Ну в этом-то вся и прелесть...

Зарина: Прелесть, когда есть и вкус, и послевкусие, как в жизни!

Клавдий: Согласен, уж этим-то да... Для души главное ощущения, а то она бы с ума сошла от всего этого.

Виктор: Самое сакраментальное искусство — наслаждаться жизнью и радоваться мелочам.

Зарина: Вот «наслаждаться мелочами»... с них-то многое и начинается. Только чрезмерное стремление к счастью приводит к большим потерям, но в самом счастье их, как правило, не существует.

Клавдий: Кому уж лучше знать, если не Вам?

Ветер колышет штору своим дуновением. Виктор во взмахе руки проливает чай на пол, брызги летят вокруг.

Виктор: Ничего!

Клавдий: Согласен! Не зря говорят: счастье в мелочах. Они никогда не обрекут нас на страдания или, по крайней мере, не испортят настроения... В общем, никакого негатива... Ждём весну!

Виктор: Согласен! Полностью согласен. Всё остальное пережито и выражено изнутри. Из пережитого формируется дух и всё на свете.

Зарина: Особенно всё хорошо, что хорошо кончается.

Клавдий: Обрушилась золотая середина...

Зарина: Слушайте, я забыла Вам рассказать про мой сон!

Пауза.

Клавдий: Есть мысли, которые лучше бы стали снами.

Виктор: Тихо! Тишина! Превращаемся в слух.

Шум ветра слышен всё отчётливее. Все молчат. Виктор внезапно уходит.

Зарина: Вот что я видела... Это был просто сон... Сон про детство. Я бежала по лесу. Лес был какой-то странный, такой светлый, и я даже не боялась.

В комнату входит Лавр.

Лавр: Очередной раз я что-то теряю. На сей раз кулон. Мне его подарили на День Рождения! (выбрасывает всё на стол и судорожно просматривает все карманы)

Зарина: Ах! Что делать, что делать?! Вспоминай, где сегодня был, всё вспоминай!

Все выбрасывают из сумок и карманов. Все погружаются в поиск.

Звонок в дверь. Дверь открывает Зарина и видит женщину всю в чёрном и с контрастирующим блеском кольца на шее.

Лидия: Я... я по поводу пропажи. Скажите, я не ошиблась адресом?

Зарина: Какой пропажи?

Лидия: (достаёт кулон — тот самый потерянный, идеально сочетающийся с оттенками её бледной руки) Я нашла его в кафе. Увидела, как уезжаете на такси, и поехала за Вами.

Промедление в голосе Лидии, глаза её оживляются.

Лавр: Идите сюда! Прощу Вас, где он! (выбегает из комнаты в прихожую) Вы не представляете даже, как я Вам... благодарен... Это же подарок! Это подарок! — все воскликнули хором.

Лидия: Не преувеличивайте. Рада была помочь. Каждый человек сделал бы то же самое на моём месте.

Зарина: Не каждый! Вы зайдите, пожалуйста. С Вами всё в порядке? Пойдёмте, поговорим...

Женщина проходит внутрь комнаты красивой походкой. Её бледная кожа отражается от тусклого свечения лампы, и проницательность глаз заостряется. В них полно меланхолии и печали. Все смотрят на неё, забывшись о разговорах.

Лидия: Я недавно приехала в этот город к своей сестре. Три недели тому назад у меня пропал муж... Но его так и не нашли. Сестра — единственный человек, который у меня остался.

Виктор: Что, просто так исчез?

Лидия: Да, просто так... Взял и исчез.

Зарина: Как так пропал?

Лидия: Ну, в смысле — ушёл и с концами.

Зарина: Ах, а я-то думала... Это ещё ничего. Не переживайте, вернётся! (плачет) Зарина медленно протягивает к ней руку в попытке её успокоить.

Лавр: Он вернётся, не переживайте.

Зарина: Все возвращаются, кто любит.

Лавр: А уходят, чтобы доказать любовь.

Лидия: Простите, мне пора идти... (быстро уходит)

Лавр бежит вслед за ней. Лидия оборачивается и замирает перед ним.

Лидия: Завтра приходите в кафе. Я там же буду Вас ждать хоть весь день.

Лавр: Зачем?

Лидия: Я так хочу. Есть что-то важное для этого.

Растворяется во тьме подъезда.

Сцена 2

Следующий день. Лавр приходит в кафе. Воздух с лёгкой примесью запаха шоколада окутывает туманной шалью все предметы. Тихо играет музыка с порывами ностальгии. Свет падает вглубь зала на лицо Лидии. Её вид говорит о некой экзальтации. Она пристально смотрит, как Лавр приближается к ней точно в замедленном кадре. Она утопает в мечтах... Ей кажется, что всё пропитывается теплотой ароматов. Ими дышит душа, ими дышит пион, застывший белизной на фоне приглушённых тонов. Кажется, что от всего этого исходит музыка, накрывающая грустью сознание...

А на улице закат разбрасывает свои последние лучи, и суете жизни не будет предела, как и печали, проникающей в пучины их сознания...

Лавр: Как себя чувствуете?

Лидия: Бывало и лучше. Вы тут часто бываете?

Лавр: К местам привязываются, к местам привыкают. У меня это получилось очень быстро. Каждый день, заказывая черничное пирожное и чай, я тонул в мечтах и фантазиях. А в огромных окнах обычные улицы превращались в поэтическую сказку с обыденностью фонарей и улиц. Время пролетало быстро, и, уходя домой, я по привычке забывал пиджак на спинке стула. На следующий день я возвращался сюда же и находил тут все свои забытые вещи нетронутыми. Мне подавали то же пирожное и чай. Так я постоянно отдыхал после работы, а потом, когда приходил, мой заказ стоял уже на столе. Однажды под конец вечера, улыбнувшись в ответ официанту, я оставил деньги и пиджак по привычке. Вернувшись на следующий день, я увидел всё в прежнем состоянии. На столе всё было нетронутым, в том числе и деньги... Я подумал, что про него вообще забыли. «Ну как такое может быть?» Как? Для меня это был абсурд, потрясение! Первое, что попало мне на мысль. Я одел пиджак, оставил на столе всё как есть и ушёл, а потом никогда туда больше не заходил... Так что гоните прочь свою депрессию и отвыкайте от плохих мыслей.

Лидия: Интересно... (пауза, вдруг хватается за голову) А у меня теперь нет любимых мест! Все прелести жизни, все прелести, которые он унёс с собой... Да и зачем мне всё это... Смотри! (пауза, ложится на подушку дивана и показывает фотографию мужа)

Это лучшее фото из его портфолио. В моём сознании он теперь вечно жив... Я вижу, как он провожает меня на поезд и обещает вечно ждать, хоть бы всю вечность. И я поверила его глазам. Я верю в то, что мы с ним скоро встретимся. Я чувствую его слова, усталость и его черты характера, которыми он наполнял смысл моей жизни. Его аристократические черты лица, проникающие во все изгибы моего сердца. Я привыкла жить его усталостью, я привыкла

к запаху его кожи, духов. Мне кажется, он сейчас придёт и разбросает свои замшевые лоферы в прихожей, снова усталый после работы и...

Я читала его письма... даже чужие! Потому что в письмах всегда есть та частица души, которую не выразить словами, и в этом их прелесть, что строки невозможно полностью раскрыть, как сам конверт. Их читают, получая подарки. Их судорожно хватают со слезами. То в эйфории, то на больших эмоциях. Они утопают в лепестках роз и следах губной помады. Их пишут наспех и о них забывают после прочтения, когда всё становится ясным, словно искра вспыхивает в сознании. Их перечитывают и их сохраняют. Из них сотканы прелестные мемуары, стихи и рассказы. Но всегда остаётся то, что не выражено в ярких эпитетах и убедительных фразах. То, что навсегда остаётся в памяти и оживает в ней, порой сверкая, словно звезда, даже если она уже больше никому не интересна... Поэтому в них всегда было что-то чужое и отталкивающее... Но не в этом случае... Я скучаю за ним, хотя я и прекрасно знаю, что имитация счастья приводит к его потере.

Лавр: Кто это?!... Это невозможно. (На лице Лавра появляется ужас, он камнеет, скрывая какую-то тайну.)

Лидия: Посмотрите! Он почти неотличим от Вас... Да, это случай. Такой, прямо всё, как пластилин, из которого я слепила желаемое! Это потрясающе.

Лавр: Она кажется нарисованной! Эта фотка.

Её взгляд и голос снова меняются.

Лидия: Вы знаете... Это не совпадение. У меня такое предчувствие, будто он тут!

Лавр: Что Вы хотите этим сказать?

Лидия: Он часто упрекал меня за мой характер, но я никогда не была для него чужой... Любимая женщина для мужчины никогда не станет чужой, ни за что... Если он её по-настоящему любит, обожествляет и до наивного безумия поклоняется только ей...

Лавр: Где же Вы таких мужчин найдёте? Вернее, я хотел сказать: да и разве может он по-другому...

Лидия: Может, но только с другими... Он может по-другому с другими, но этого не делает, и это его преданность по отношению ко мне. Измена — когда он «по-другому» сможет так со мной... забыть, быть равнодушным... Стать незаменимым — какой кошмар, уму непостижимо! Как можно быть такой ранимой...

Лидия: Я хочу, чтобы так и осталось! Страдания мне не нужны больше. Мы были счастливы, оставляли всё на потом, превращали предвкушение в наслаждение. Нам говорили, что всё уже позади, но нам хватило тех моментов вечности на всю оставшуюся жизнь. В конечном итоге любовь становится наслаждением даже от шрамов после неё.

Лавр: Да, конечно! Но таких людей не бывает. Всё это слова.

Лидия: Бывает! Слова раскрывают душу, поэтому надо знать, с кем разговаривать. Пока они родные друг другу.

Лавр: Иногда мне кажется — нет, мне не кажется, я это знаю, — что такая любовь бывает также невыносимой, как и боль после отчуждения. Вроде бы и рад таким подарком, но всё это как-то отвратительно... Неужели Вы считаете, что любовь — это нечто вроде миссии?

Лидия: Нет, подарки — это прекрасно! Потому что я не могу представить, что его больше нет. Он меня так любит, что я это чувствую за тысячи вёрст. Но с другой стороны, чувства — они как роли. Представь, что играешь то «другое» чувство — и ты в его власти. А равнодушие тоже всё решает.

Лавр: Всё это как-то странно и непонятно... Любовь требует только одного понимания: драгоценного, ни с чем не сравненного понимания друг к другу. Сколько желающих быть в её власти? Но без фанатизма и никакого рабства даже в этом случае.

Лидия: Наивно (смеётся). Я знаю одну историю... Такую историю! Когда мужчина попросился с женщиной. Он очень переживал это, и она вернулась, потому что он перепутал даты. Она надумала уехать позже, а тогда вышла просто в магазин. И когда она вернулась, он очень обрадовался. Но когда она по-настоящему уезжала, он уже не так переживал. (Лидия делает паузу) И это означает одно: чувства тоже меняются... Но опять же, не в моём случае... хотя и... любимые всегда возвращаются, даже если потом становятся нелюбимыми (смеётся). И история с кулоном (смеётся) тоже не случайна. Поверьте мне! Побудьте это время со мной. Это для меня подарок судьбы! Как можно дольше! Я больше ничего не хочу! Перевоплотитесь в него хоть на миг!

Лавр: Боюсь, Вам нелегко это будет услышать, но даже самое достоверное «зеркало» человека не переносит чрезмерную близость.

Лидия: Как можно жить с такой болью от утраты любимого человека? Может, меня невозможно полюбить, но я так ценю тепло... Я же заслуживаю на любовь, правда?

Лавр: Конечно! Простите, это я такой — бриллиант холодный... Я всегда стыдился выражать свои чувства, как все, кто способен на большую любовь... А теперь по-другому. Я по-другому смотрю на мир. Я Вам хочу помочь. (успокаивает её) Представьте, что он с Вами и сейчас видит нас.

Лидия бледнеет ещё больше. Она будто растеряна от всего, что происходит.

Лидия: Даже если так, то мне кажется, что его душа теперь в Вас и он — Ваш двойник... Почему мы не можем быть с теми, кого любим? Я уже потеряла всякую надежду на всё это.

Лавр: Надежда, как цветы, со своим сроком годности.

Лидия: От Вас я хочу только первой свежести. Я боюсь за любовь, несмотря на Вашу философию.

Лавр: Перестаньте... (отворачивается)

Пауза.

Лидия: Зачем Вы так? Я с Вами искренняя теперь, как и всегда, и только Богу известно, сколько мне пришлось перестрадать за это время, когда я месяцами жила без него и доводила себя до тотального сумасшествия. (По её щеке течёт слеза.)

Лавр: Вы знаете, я не хочу обманывать Вас, но сделаю всё, что надо было бы сделать в таком случае... Не отчаивайтесь. Весь трагизм жизни состоит в том, что человек искренне верит в его существование.

Лидия (полупшепотом): Я Вам этого не забуду, где бы мы ни были!

Лавр обнимает её.

Лидия: Запомните: нет ничего лишнего в нашей жизни, если она посвящена другому человеку. И нет такой любви, которая не могла бы покорить весь мир, и нет такого мира, который обошёлся бы без любви. Поверь мне. (целует Лавра)

Сцена 3

Подготовка к репетиции. Кругом занавесы... Манекены стоят вразброс в белоснежных платьях. Везде сквозняки из открытых окон.

Виктор: Я думал, ты дома. Ты кого-то ждёшь?

Клавдий: Нет... (Об актрисах) А если бы она превратилась в Галатею... Что бы тогда случилось? (притихающим голосом) Я бы сделал всё, чтобы её оживить.

Виктор: Как словами?

Клавдий: Она бы узнала прелести настоящей жизни! Ведь, может, она только этого и ждала!

Виктор: А может, она ждала этого от кого-нибудь другого. Откуда знаешь?

Клавдий: Не знаю (отворачивается). Мы не знаем, чего хотят люди от нас, пока они не узнают, чего от них хотим мы. Нет нигде больше иллюзий, чем во взаимоотношениях людей. Они словно подарочки, но лучше их не раскрывать... Их ведь нету... Прелесть жизни состоит в том, что в ней всегда найдётся место для абсурда со всеми своими точками над i.

Виктор: И может, она вообще этого не ждала бы.

Клавдий: Чего же, по-твоему, она могла бы хотеть?

Виктор: Не знаю... Женщина хочет того, о чём мужчина не знает, и тем самым властвует над ним. Но это форма власти, которую можно считать наслаждением для обеих сторон.

Клавдий: Вот именно, что наверное.

Виктор: Только люди умеют ждать, и то не все. Иногда самое большее, что ты можешь подарить, — это надежду. И та иногда рассеивается, как пудра. А потом всё и так становится на свои места.

Клавдий: Мы сами не знаем, чего хотим.

Виктор: А когда знаем — боремся за это.

Клавдий: А если нет больше сил бороться?

Виктор: Всё равно остаются незыблемые желания. Силы всегда есть.

Клавдий: Не всегда получаем, чего хотим.

Виктор: Не всегда. Без потерь не было бы и борьбы.

Клавдий: Ты к чему это? (подходит ближе к Виктору)

Зарина и Анастасия появляются на репетиции, танцуют около балкона. Окна распахнуты настежь. Зарина застывает на цыпочках. Весь зал наполняется дымкою света. Анастасия уходит в фойе.

Виктор: Ты порхаешь, как мотылёк.

Зарина: До чего приятно, спасибо!

Пауза.

Виктор: Воздух такой свежий, чувствуешь?

Зарина: Я бы так сказала о мечте... (делает вращение, глядя на колеблющиеся от ветра деревья. Пронзительный её взгляд.)

Виктор: Но её несбыточность вызывает отнюдь не наслаждение, а какое-то отвращение. Мыльный пузырь, переполненный пустотой.

Зарина: Пустота — одно и то же... Смотря у кого какой мир. У всех есть что-то общее и своё личное, уникальное.

Зарина улыбается.

Виктор: Надо всегда делать то, что нравится.

Зарина: А что тебе нравится?

Виктор: Много чего.

Пауза.

Виктор: Я не могу найти себе места.

Зарина: Ты о чём?

Виктор: Да ни о чём...

Зарина подходит к нему ближе и пристально всматривается в его склонённое вниз лицо. Зарина и Виктор застывают в объятиях...

Спустя пару минут в зале появляются Лавр и Лидия. Зарина приближается к ним. Лидия отпускает руку Лавра и выходит к ней навстречу в блестящем платье с крупным бантом и сердцевидными серьгами, казалось бы, волшебным затмевающим мерцанием люстры.

Зарина: Как Вы себя чувствуете?

Лидия: Спасибо, отлично. Чудесная постановка... (рассматривает сцену) Я тоже хочу играть!

Смотрит на развевающиеся от сквозняка шторы и вновь погружается в вереницу грёз, где воздух околдовывает её сознание своей прохладой и свежестью, а причудливые формы шторы с кружевами превращаются то в белое облако, то в хаотичную сущность, уносящую восояси её отчаяние.

Лидия: Я привыкла уже так... жить иллюзиями. Очень сложно угадать такую пропорцию, где свет истины, а где витрина, за которой скрывается что-то интересное, чем хочется обладать, что хочется приобрести, разгадать... От чего захватывает дух. Каждая такая мысль, иллюзия, частица видения, мечта — всё это нечто большее, чем просто игра воображения.

Зарина: Воображение неминуемо, пока есть чувства. Люди не от мира сего бывают обаятельными. Их жизнь — это театр, в котором чувства принимают на себя роль рассудка и неплохо с этим справляются. Лидия, стремление к чему-то может в некоторой степени оказаться побегом от самого себя, попыткой начать всё заново и испытать новый опыт. С другой стороны, в каждом новом образе скрыто что-то своё, необходимое, когда выбор отнюдь не случаен... Поэтому воля случая, случайность истины... Ведь откуда-то и зарождается иллюзия, её мир, другая реальность... Я не знаю. Главное, что так легче... Так легче разглядывать всё сквозь воспоминания, жить будто во сне и не бояться ничего... Не бояться быть застигнутым врасплох, измен, любви... Мир состоит из образов и представлений. Первые говорят о том, что он есть, вторые — о том, что он происходит, создавая новые образы — доказательства бытия... (вздыхает) Человек играет до определённого момента. Пока не наступит тот божественный апогей слияния красоты и разума, от которого замрёт его дух, и он с наслаждением будет смотреть на всё происходящее, но уже не сквозь маску, а это будет его истинное лицо. Он будет искренне видеть и наслаждаться зрелищем, с улыбкой аплодируя лучшим моментам, испытывая необъяснимое счастье.

Человек играет до определённого момента. Пока не наступит тот божественный апогей слияния красоты и разума, от которого замрёт его дух, и он с наслаждением будет смотреть на всё происходящее, но уже не сквозь маску, а это будет его истинное лицо. Он будет искренне видеть и наслаждаться зрелищем, с улыбкой аплодируя лучшим моментам, испытывая необъяснимое счастье.

Зарина: Чего бояться? Любви? Её невозможно спутать ни с чем. Это главное средство от Вашего чувства неизвестного и вообще — это главное и всех Ваших переживаний. Да, но не стоит всё воспринимать всерьёз, чтобы жить можно было проще. Переживания бывают бессмысленными.

Лидия: Ещё бы хватило сил на всё это. Душа моя не имеет предела, а пустота бывает запредельно сложной, если она коснулась самой души... (с отчаянием обрывает фразу) Что теперь?

Зарина: Абстрагируйтесь, умейте отдыхать и наслаждаться в своём уютном мире. Надо ещё порепетировать над этим. Вам не кажется? Этот мир словно кокон. Твердеет хрусталь, разломы и трещины, сквозь которые просачивается бытие. Человек формирует себя новым и новым. Он меняет маски. У него их целые спектры, наборы... Так сказать, на всякий случай. Мало ли что может случиться. Ничего не предугадать. Всё так непредсказуемо, словно в остро-зоокедном кино. Только здесь любая роль может быть твоей. Выбирай.

Лидия: Уж с этим-то я справлюсь, не волнуйтесь так.

Зарина: А я волнуюсь.

Выводит Лидию на сцену. Метель на улице сливается со звуками музыки. Лидия и Зарина танцуют до упаду и поздней ночью отправляются домой по пустым улицам, утопающим в снежных хлопьях.

Сцена 5

Зарина встречается с Виктором поздней ночью. Они молча сидят за столом и смотрят друг другу в глаза. Крупные салфетки лежат нетронутые по бокам, как и кусок торта, от которого Зарина без ума. На столе шампанское, сверкает изумрудом. Вокруг романтическая атмосфера окутывает сознание.

Зарина всматривается в его глаза и загадочно улыбается, отводя голову набок.

Виктор кусочек торта накладывает на ложечку и преподносит его Зарине. Дотянувшись до руки Виктора, Зарина съедает крем и ягоду, всё так же смотря ему в глаза.

Спустя минуту...

Зарина: Ах! Я забыла! Там же вода включена! (убегает в ванную)

Вода... Перекрывает воду. Пена из ванной переливается на пол, и по квартире разносятся мыльные пузырьки.

Зарина: Помоги мне!

Виктор выбегает к ней.

Виктор: Так, ладно, не будем паниковать. (Везде мыльные пузырьки.)

Спустя 15 минут...

Зарина (кладет ладони на его плечи): Ты на меня обижен?

Виктор: Ну откуда у тебя такие мысли? То, что было тогда, меня не интересует. Не хочу жить прошлым.

Зарина: Я тебе нравлюсь? Скажи мне, ты хочешь моей любви.

Виктор: Да, ты мне нравишься, но...

Перебивает его.

Зарина: А тогда я тебе не нравилась.

Виктор: Тоже нравилась. Мне нравится в тебе доброта и искренность.

Зарина: Хорошо, что хоть это увидел во мне... Я запуталась и уже не знаю, насколько ранимы мои чувства и насколько они сильны. Мне нравится до безумия испытывать их на прочность. Что ты вообще увидел во мне?

Виктор: В тебе всё безупречно. Такое чувство выше всего. Я обнажил перед тобой душу. Думаешь, я стесняюсь?

Зарина: Думаю, что это заглушило всю боль от вонзаемых в спину ножей. Вот послушай. Я знаю одну историю, в которой девушка загадала желание, и оно, как ни странно, исполнилось. Особенно такое! Теперь все чувства и эмоции у нее вырастали крыльями за спиной. Она влюблялась — вырастали белые, потрясающей красоты. Она танцевала — вырастали не меньшей красоты, покрытые мерцающими волнами блёсток, сросшимися с её платьем. Счастью не было предела. Однажды это случилось в ресторане. Все были ошеломлены таким зрелищем. С тех пор она развлекалась в таких местах только в венецианской маске, чтобы все думали, что это просто образ. Она была всегда очень жизнерадостной и весёлой, осознавая свою особенность и сказочный дар. Но когда она разозлилась, никто её не узнал. Крылья потрясающей красоты покрылись мохнатой чернью и приобрели страшные формы. Так что она готова была отрезать их и лишиться навсегда возможности быть крылатой. Но всё это длилось недолго. Через миг она успокоилась, крылья посветлели, и она снова стала радоваться жизни. Но потребовалось много времени, чтобы вернуть им прежний вид, да и то они стали какими-то другими. «Возможно, эгоцентризм — это солнце внутри, когда вокруг даже белые крылья покрываются тьмой, но я в этом не виновата», — подумала она, гуляя по галереям торгового центра в своём гордом одиночестве... И трудно было представить, что красота может превратиться в прямое напоминание о том, что есть и её обратная натура. Знаешь, что я бы сделала, если бы оказалась рядом с ней? Я лишила бы её этих крыльев, даже если бы она не смогла без них. Потому что нет ничего худшего, чем жизнь, лишённая счастья и сожжённая дотла когда-то в лучшие времена. Лучше бы обрезала ей эти крылья. Лучше так, чем быть несчастной до конца жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.